М.В. Грацианский

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЭТНОНИМА «АНТЫ»

Статья посвящена рассмотрению происхождения этнонима «анты» и его связи с другим названием племени древних славян – «вятичи». В статье анализируются основные теории происхождения данного этнонима. На основании анализа лингвистических данных делается вывод о родстве этнонимов «анты» и «вятичи» и их общем происхождении от этнонима «венеты». Различия в фонетическом облике слов «анты» и «вятичи» сводятся к диалектным различиям, свойственным славянским языкам.

Ключевые слова: Анты, вятичи, венеты.

The article is dedicated to the investigation of the origin of the ethnic name of *Antes* and its connection with another name of a Slavonic people – *Vjatiči*. The article presents an analysis of the main theories concerning the origin of the former ethnic name. On the basis of linguistic data the author comes to the conclusion, that both names *Antes* and *Vjatiči* are related to each other and originate from *Venethi*. The difference in spelling between *Antes* and *Vjatiči* can be explained through the dialectal peculiarities of the Slavonic languages.

Keywords: Antes, Vjatiči, Venethi.

Этноним «анты» является одним из древнейших названий группы племен древнеевропейского происхождения, которые ныне принято называть славянами. Народ антов, часто упоминаемый в письменных источниках VI–VII вв., составленных на латинском, греческом и сирийском языках, сыграл заметную роль в судьбах Римской империи. О нем повествуют сочинения Прокопия Кесарийского, Иоанна Эфесского, Агафия Миринейского, Менандра Протиктора, императора Маврикия[1] и Феофилакта Симокатты[2]. Титул «антский» (Ἀντικός) также встречается в титулатуре римских императоров[3], в последний раз – в титулатуре императора Ираклия (612)[4].

Сочинение Иордана «О происхождении и деяниях гетов» («Гетика»), первое в хронологическом порядке, упоминающее этноним анты (Antes), содержит о них следующие сведения: «У левого их (Альп) склона, спускающегося

---

[1] См.: Свод древнейших письменных известий о славянах / Под ред. Л.А. Гиндина, Г.Г. Литаврина. Т. 1. М., 1994. (Далее: СДПИС).

[2] Аналитический очерк истории антов см. в: *Скржинская Е.Ч.* О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне (Из комментария к Иордану) // ВВ. 1957. Т. 12. С. 3–30; *Bonev Č.* Les antes et Byzance // EB. 1983. № 3. P. 109–120; *Kardaras G.* The Byzantine-Antic Treaty (545/46 A.D.) and the Defense of Scythia Minor // BS. 2010. T. 68. P. 74–85. См. также обзор старой литературы по истории антов: *Баришић Ф.* Прокопије // Византиски извори за историју народа Југославије. Т. 1. Београд, 1955. С. 23. Примеч. 20; *Ditten H.* Slawen im byzantinischen Heer von Justinian I. bis Justinian II // Studien zum 7. Jahrhundert in Byzanz. Probleme der Herausbildung des Feudalismus / Hrsg. H. Köpstein, F. Winkelmann. B., 1976. S. 83. Anm. 47.

[3] СДПИС. Т. 1. С. 261–262.

[4] Jus Graeco-romanum // Ed. C.E. Zachariae a Lingenthal. Pars III. Lipsiae, 1857. P. 33–34.

к северу, начиная от места рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами... Анты – сильнейшие из обоих [племен] – распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину; эти реки удалены одна от другой на расстояние многих переходов»[5]. В другом месте Иордан также возвращается к теме происхождения антов: «После поражения герулов Германарих двинул войско против венетов, которые хотя и были презренны из-за [слабости их] оружия, были, однако, могущественны благодаря своей многочисленности и пробовали сначала сопротивляться... Эти [венеты], как мы уже рассказывали в начале нашего изложения, – именно при перечислении племен – происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавенов». У Прокопия Кесарийского мы также находим сведения о родстве антов и славян: «Ведь племена эти, склавины и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народовластии... Есть у тех и у других и единый язык, совершенно варварский. Да и внешностью они друг от друга ничем не отличаются... Да и имя встарь у склавинов и антов было одно...»[6]. Таким образом, наши главные источники недвусмысленно свидетельствуют о родстве славян и антов и об их общем происхождении, вероятнее всего, от венетов.

На основании этих вполне недвусмысленных свидетельств многие исследователи в разное время не сомневались в тождестве двух этнонимов – венеты и анты, – полагая, что в данном случае речь идет об одном и том же слове. Они также единогласно заявляли о тождестве упомянутых этнонимов с позднейшим племенным названием вятичей[7]. Кроме того, у большинства исследователей не вызывает сомнения факт славянства древних венетов, упоминания о которых встречаются в сочинениях авторов I–II вв. по Р.Х. Плиния Старшего, Тацита и Птолемея[8]. Как следствие, основной проблемой изучения этого вопроса с лингвистической точки зрения стало выяснение этимологии слова «венеты», которая предлагалась разными, в основном польскими, авторами[9]. По мнению большинства исследователей, этноним «венеты» по своему происхождению не является славянским, а лишь прилагался к славянам. Бесспорным является славянство венетов в Средние века, когда это племенное название (в форме «венды»: Wenden, vinðr и т.п.) прилагалось к западным славянам (повисленским и поморским) различными германскими народнос-

---

[5] *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. Getica // Вступит. ст., пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. М., 1960. С. 71–72. Ср. СДПИС. Т. 1. С. 107–109.

[6] СДПИС. Т. 1. С. 183–185.

[7] См., например: *Mikkola J.J.* Urslawische Grammatik. Teil 1. Heidelberg, 1913. S. 7–8; *Бубрих Д.В.* О названии «анты» и связанных с ним названиях // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1946. Т. 5. Вып. 6. С. 478–483; *Витчак К.Т.* Из проблематики древних славянских племен. 1. Этноним Fresiti у Баварского географа и его локализация // Этимология 1988–1990. М., 1992. С. 29–30. Приведенные здесь работы не использованы в СДПИС.

[8] СДПИС. Т. 1. С. 18–62, особ. 31–35.

[9] См., например: *Gołąb Z.* Veneti / Venedi – the oldest Name of the Slavs // Journal of Indo-European Studies. 1975. Vol. 3. № 4. P. 326–327; *Labuda G.* Udział Wenetów w etnogenezie Słowian // Etnogeneza i topogeneza Słowian. Warszawa; Poznań. 1980. S. 31–33. *Витчак К.Т.* О первоначальных венетах // Этимология 1986–1987. М., 1989. С. 107–114. Приведенные здесь работы, кроме первой, не использованы в СДПИС.

тями, а также финнами (venäjä)[10] и восточными авторами. Вопрос о приложимости этого этнонима к славянам уже античными авторами в I–II вв. по Р.Х. является более сложным, хотя следует признать, что аргументы против этого уже давно устоявшегося в науке взгляда нельзя считать убедительными[11].

Одновременно с этой линией исследования, принимающей, пусть и не достаточно аргументированно, тождество племенных названий венетов и антов, существует и другая, которая настаивает на том, что происхождение этнонима анты следует искать вне связи с венетами и славянами. Это мнение разделял уже А.А. Шахматов. Согласившись, в конце концов, со славянской принадлежностью античных венетов, он не признал этимологического родства этнонимов «венеты» и «анты». В частности, о возможности сближении слов «вятичи» и «анты» он высказывался отрицательно[12]. По его мнению, из праславянского *ant- могло образоваться только несуществующее восточнославянское «утичи» («ѫтичи» из «ѫты», «ѫтѧ» – «утка»). Со своей стороны Шахматов предложил совсем уж маловероятную этимологию «антов», возводящую происхождение этого слова к древнекельтскому *antano («звезда»)[13]. Эта гипотеза Шахматова, выдвинутая им весьма осторожно, никем не была поддержана.

Противником взгляда на тождество племенных названий венетов, антов и вятичей был также М. Фасмер. В своем «Этимологическом словаре русского языка» к вопросу о происхождении слова «анты» он обращается в статье, посвященной вятичам[14]. В ней он категорически утверждает, что «поскольку между носовым согласным и t не было гласного, сближение» слова вятичи «с древним этнонимом Venedi, Οὐενέδαι, древнеисландским vindr, англо-саксонским weonodas, ново-верхне-немецким Wenden, Windische, финским venäjä невозможно».

Другой тезис М. Фасмера, оказавший сильное влияние на последующее восприятие проблематики венетов и антов исследователями, звучал следующим образом: «Нельзя связывать название вятичи с этнонимом Antes, Ἄνται (в Южной Руси)». В качестве альтернативы он предложил иранскую этимологию этнонима со значением «пограничный житель», приведя при этом в качестве сравнительного материала древнеиндийское ántas «конец», ántyas «конечный», осет. ætt'íyæ «позади», а также готское andeis «конец». Эта этимология, при всей ограниченности и случайности ее доказательной базы, оказалась приемлемой для значительного количества ученых, обращавшихся впоследствии к антской проблематике. Прежде всего достаточно убедительной ее считал Ф.П. Филин: «Из всех существующих гипотез, как кажется, более вероятной является гипотеза об иранском происхождении слова

---

[10] См. также: *Иванов В.В., Топоров В.Н.* О древних славянских этнонимах (Основные проблемы и перспективы) // Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси. Киев, 1980. С. 20.

[11] См., главным образом, рассуждения Ф.В. Шелова-Коведяева в его комментариях к Плинию, Тациту и Птолемею: СДПИС. Т. 1. С. 31–35, 40–44, 55–59.

[12] *Шахматов А.А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 11. Примеч. 2. См. также: *Филин Ф.П.* Образование языка восточных славян. М., 1962. С. 59–60.

[13] *Шахматов А.А.* Древнейшие судьбы... С. 11.

[14] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и дополнения О.Н. Трубачева. Т. 1. М., 1986. С. 376.

анты: др.-инд. ántas ("конец", "край"), ántyas "находящийся на краю", осет. ätt'iyä "задний", "позади". Если бы это предположение оказалось правильным, то в таком случае значение слова анты было бы "живущие на украйне", "пограничные жители"»[15]. В дальнейшем этот взгляд Фасмера, воспроизведенный лингвистом Ф.П. Филиным, получил поддержку таких известных исследователей, как археолог В.В. Седов[16] и историк Г.Г. Литаврин[17]. Из лингвистов разделял это мнение, по всей видимости, О.Н. Трубачев[18].

Впрочем, сам Филин придерживался другого мнения о происхождении племенного названия антов: в своих работах он выдвигал тюрко-монгольскую теорию. Он задается вопросом: почему имя антов бесследно исчезает с исторической арены в начале VII в.? Сам он не считает правомерным предположение о том, что антов отрезало от Византии болгарское вторжение, и, таким образом, упоминания о них исчезли из греческих и римских источников[19]. Наиболее правдоподобной представляется ему гипотеза о тюркском (аварском) происхождении имени антов. Действительно, судьба антского племени в конце VI и в начале VII в. оказывается тесно связана с судьбой авар. По версии Филина, авары, двигаясь на Запад, подчинили себе некие славянские племена, приведя их к присяге на верность себе: «Таким образом, какая-то часть славянского населения в VI в. временно оказывается в отношениях побратимства с аварами. Это вполне подтверждается лингвистическими данными: тюрк. ant "клятва", монг. anda, and "побратим". Византийцы, отбивая атаки авар, сталкивались и с их славянскими союзниками, которых они хорошо отличали от кочевников-авар. От авар они заимствовали название *анты*, которое получило и расширительное значение – "славянские племена, группа славянских племен". Когда подчиненные славянские племена восстали против своих поработителей, они нарушили свои вынужденные клятвенные обещания, перестали быть "побратимами" авар, т.е. перестали быть "антами". Слово *анты* потеряло свое значение и вышло

---

[15] *Филин Ф.П.* Образование языка... С. 59–61; *Он же.* Заметка о термине «анты» и о так называемом «антском периоде» в древней истории восточных славян // Проблемы сравнительной филологии. Сборник статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В.М. Жирмунского. М., 1964. С. 266–270. Ф.П. Филин, приводя в данном случае мнение М. Фасмера, не сослался на него, благодаря чему последующие исследователи, в свою очередь, уже ссылались только на самого Филина. У Филина см. также критику других старейших теорий происхождения этнонима анты.

[16] *Седов В.В.* Формирование славянского населения среднего Поднепровья // СА. 1972. № 4. С. 127; *Он же.* Анты // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 173; *Он же.* Славяне и иранцы в древности // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978. С. 227–240; *Он же.* Этногенез славян по археологическим данным // Славянская археология. 1990. Этногенез, расселение и духовная культура славян. М., 1993. С. 50; *Он же.* Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 191–192; *Он же.* Этногенез ранних славян // Вестник РАН. 2003. Т. 73. № 7. С. 594–605. Возможная принадлежность антам той или иной археологической культуры не является предметом исследования данной статьи.

[17] *Королюк В.Д., Литаврин Г.Г., Флоря Б.Н.* Древняя славянская этническая общность // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 24.

[18] *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2002. С. 98.

[19] *Филин Ф.П.* Образование языка... С. 60–61.

из употребления, не закрепившись в этнонимической традиции»[20]. Слабой стороной этой гипотезы Ф.П. Филина является ее недостаточная аргументированность и несогласованность с данными Иордана, который фиксирует название антов в своем труде, завершенном в 551 г., т.е. за несколько десятилетий до активного выступления аваров на византийской внешнеполитической сцене. Кроме того, он упоминает о разгроме антов готским королем Винитарием в конце IV в. Ситуация, при которой славяне (и, вероятно, анты) оказываются фактически вассалами аварского кагана, складывается лишь к началу VII в., причем не в том регионе, где источники VI в. локализуют антов. Применительно к периоду правления Юстиниана Великого (527–565) известно о самостоятельных действиях антов вне всякой связи с активностью аваров. С другой стороны, вопрос о происхождении и бытовании тюркского ant («клятва») никак Филиным не проясняется. Наличие этого слова в монгольском языке заставляет думать об очень позднем заимствовании его в тюркские языки, может быть восходящем ко времени монгольских завоеваний XIII в.[21]

Проблеме иранской этимологии этнонима анты была посвящена важная статья А.Н. Карсанова[22]. Работа этого автора представляет собой попытку дать более глубокое обоснование версии об иранском происхождении этого племенного названия, выдвинутой М. Фасмером. Карсанов указывает на наличие формантов anda-, andac-, anta-, anti- в названиях самых разных иранских племен древности (antakaš, Cassianti, Andacas, Authiandas, Antacatae, Limigantes, Andaragantes). Далее, в развитие предположения Фасмера о его иранском происхождении, Карсанов приводит примеры из дигорского диалекта осетинского языка, говоря, что «“ændæ” (“снаружи”, “вне”) употребляется и как наречие, и как послелог, и как часть сложного слова. Вторичные образования: ændag (“внешний”, “наружный”), ændagon (“чужой”), ændæ kænun (“выдворять”), randoæ un (“выйти”). Восходит к иран. *anta, ср. др.-инд. anta – “конец”, “край”»[23]. Итак, вслед за Фасмером Карсанов связывает диалектизмы осетинского языка с древнеиндийским anta. Впрочем, наряду с этим Карсанов делает важную поправку в данных, приводимых Фасмером и цитированных Филиным: он указывает на то, что слово ætt‘íyæ со значением «позади» отсутствует в осетинском языке и речь здесь может, по всей видимости, идти об ошибке или о существенной неточности[24]. В дальнейшем автор присоединяется к мнению Г.В. Вернадского, согласно которому «анты» происходит от осетинского (аланского) ændæ и означает некие «внешние племена»,

---

[20] Там же. С. 61.

[21] Согласно словарю В.В. Радлова (Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893. Т. 1. Ч. 1. Кол. 226, 238), это слово имеет в разных поздних тюркских диалектах звучание «ан», «ант» и «анд», а также встречается в монгольском языке. В приведенных Радловым примерах его употребления нет случаев того, чтобы оно использовалось в качестве имени или названия отдельного лица или группы лиц, соответственно отсутствует и значение «побратим». Источником информации Филина об этом слове, по-видимому, также является словарь Радлова.

[22] *Карсанов А.Н.* Название «анты» в иранской ономастике // Историческая динамика расовой и этнической дифференциации населения Азии. М., 1987. С. 193–200 (статья не использована в СДПИС).

[23] Там же. С. 193–194. Ср.: *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 104.

[24] *Карсанов А.Н.* Название «анты»... С. 195.

вследствие чего приходится делить всех алан древности на «внутренних» и «внешних»[25]. Нетрудно видеть, что данное рассуждение представляет собой гипотетическую конструкцию, исходящую из презумпции иранского происхождения этникона «анты», ибо вслед за этим также и А.Н. Карсанову приходится говорить о том, что «племена, отделившиеся от основных, называли antes ("анты"), т.е. отколовшиеся, отошедшие или отпавшие». Впрочем, тот факт, что дело обстояло именно так, не подтверждается никакими источниками или реальными обстоятельствами истории древних алан. Автор статьи, кажется, также забывает об одном немаловажном обстоятельстве: совокупном свидетельстве источников о тождестве славян и антов во всех отношениях и, в том числе, в языковом. Ответа на логичный в таком случае вопрос, были ли славянизированы аланы-анты или аланизированы («антизированы») славяне и при каких обстоятельствах это произошло, автор не дает и даже такого вопроса не ставит. Впрочем, у него наличествует попытка объяснить немногочисленные в источниках примеры антских имен через аланский язык. И если встречающееся у Иордана имя антского вождя Boz Карсанов еще с некоторой долей вероятия передает через персидское boz, buz (козел), то попытки иранской этимологии слов с очевидными славянскими формантами, таких, как Даброгез, Усигард и Ардагаст, не заслуживают никакого внимания. Относительно еще целого ряда антских имен, таких, как Мезамер, Идаризий, Келагаст, Карсанов даже не делает попытки предложить иранскую этимологию.

Таким образом, нанося чувствительный удар иранской этимологии слова «анты» М. Фасмера (отсутствие в осетинском языке слова ætt'íyæ), работа А.Н. Карсанова одновременно демонстрирует и крайнюю гипотетичность его иранского происхождения в целом, а соответственно подрывает основы наиболее расхожего современного взгляда на этот вопрос.

Важным этапом в деле разработки тематики древнейшей истории славян явился первый том нормативного академического «Свода древнейших письменных известий о славянах». Авторами «Свода» были критически рассмотрены все наиболее существенные свидетельства об истории ранних славян, включая и те, что относятся к венетам и антам. Значительное количество авторов первого тома «Свода» усвоило гиперкритический подход к трактовке данных источников, сделав попытку оспорить релевантность для истории славян целого ряда исторических фактов и явлений. Так, в первую очередь был оспорен тезис о принадлежности славянству племени венетов, упомянутых в античных источниках I–II вв. по Р.Х., с которым было согласно и до сих пор соглашается большинство славистов. Также была сделана попытка дать альтернативную, неславянскую, этимологию некоторых личных имен и отдельных слов, обыкновенно признаваемых за славянские, и критически пересмотреть данные археологии, рассматривавшиеся как относящиеся к культуре славян.

Наиболее важные для нашей темы сведения Иордана о славянах и антах и их общем происхождении от венетов, восходящие к Кассиодору, были прокомментированы А.Н. Анфертьевым. Основным направлением рассуждений Анфертьева в этом вопросе был анализ достоверности сведений Кассиодора о венетах[26]. Автор комментария фактически констатирует невозможность

---

[25] Ср.: *Vernadsky G.* The Origins of Russia. Oxford, 1959. P. 23.
[26] СДПИС. Т. 1. С. 127–132 (особ. 130–132).

сколько-нибудь точно определить источники Кассиодора и отсюда делает необоснованный вывод о малой достоверности сведений, содержащихся у Иордана по этому вопросу вообще. На основании своих наблюдений над текстом Иордана А.Н. Анфертьев не смог достоверно определить ни одного возможного источника информации Кассиодора о венетах: даже Тацит сообщает о венетах другие сведения, которые не могли послужить для него прямым источником[27]. Не установив источника, Анфертьев тем не менее уверен в том, что, сообщая о родстве венетов, славян и антов, Кассиодор, с одной стороны, руководствовался древней литературной традицией, на основании которой он помещал венетов в определенной географической зоне, а с другой – современными ему сведениями о славянах и антах, которые в его время якобы занимали эту зону[28]. В любом случае, для нас осталось непонятным, каким образом на основании наблюдений над текстом Иордана автор комментария пришел к категоричному выводу о том, что «идентификация славян с частью венетов у Иордана, хотя и прочно вошла в научный оборот, не имеет ничего общего с реальной историей»[29].

Еще более разочаровывающим оказывается содержание комментария, призванного рассмотреть происхождение и этимологию собственно этнонима «анты»[30]. Бросается в глаза то, что автор не имеет собственного мнения по этому вопросу и потому ограничивается фактически только упоминанием случайного и немногочисленного набора старых гипотез. К числу безусловных недостатков этого пассажа относится отсутствие разбора в нем основных гипотез происхождения этнонима анты и прежде всего иранской гипотезы М. Фасмера, доминирующей в науке. Тем не менее автор походя замечает, что «анты VI в. могли уже быть существенно славянизированы», а «неславянское происхождение самого этнонима» – безусловно. Для нормативного и фундаментального труда, каким задумывался «Свод древнейших письменных известий о славянах», такое невнимание к одному из ключевых вопросов ранней истории славян представляется по меньшей мере неожиданным[31].

---

[27] Там же. С. 130.

[28] На самом деле места обитания славян и антов VI в. не тождественны месту обитания венетов Плиния, Тацита или Птолемея, и, таким образом, если предположить, что это изначально разные народы, то говорить об их родстве на основании только географии их расселения в VI в. было бы затруднительно.

[29] СДПИС. Т. 1. С. 132. Высказывание это тем более удивляет, что исторические свидетельства, с которыми работают авторы первого тома «Свода», как раз и являются тем, на основании чего мы судим о «реальной истории» того времени вообще и о генезисе славянства в частности. Отыскать «реальную историю» за пределами источников — задача непосильная для ответственного историка.

[30] Там же. С. 159.

[31] Эта позиция А.Н. Анфертьева и его подход к решению основной задачи «Свода» показалась странной и редакторам «Свода» Г.Г. Литаврину и Л.А. Гиндину, которые в Предисловии к первому тому «Свода» были вынуждены заметить: «Следует отметить, что комментарий к Иордану основан в значительной мере на иных принципах, чем комментарий к другим авторам. А.Н. Анфертьев не считал возможным сосредоточить внимание прежде всего на свидетельствах Иордана о славянах: не меньше (если не больше) он занят вопросами истории готов и той территории, которую они некогда занимали. Редакторы в ряде случаев не разделяют позиций авторов-комментаторов; в частности, А.Н. Анфертьев, почти не аргументируя своей позиции, отказывается усматривать славян в "антах" Иордана и Прокопия» (СДПИС. Т. 1. С. 15). Жаль, что коллективными усилиями авторов «Свода» этот и другие отмеченные самими редакторами вопиющие недостатки не были своевременно устранены.

Важным очерком, рассматривающим свидетельства о ранней истории бытования славянского языка на Балканах, является работа С.Р. Тохтасьева «Древнейшие свидетельства славянского языка на Балканах»[32]. В ней разбираются древнейшие следы присутствия славян и славянских языков на Балканах преимущественно в V–VII вв. В основном автор рассматривает славянские этнонимы, топонимы и антропонимы в Балканском регионе. Приводятся автором и интересующие нас этнонимы «анты» и «венеты». Опираясь в значительной мере на данные «Свода», С.Р. Тохтасьев присоединяется к распространенному в науке мнению о том, что «по-видимому, предпочтения заслуживает точка зрения, согласно которой исконно не имевший отношения к славянам этноним был перенесен германцами на славян, заселивших в V–VI вв. венетские земли по Висле и, возможно, ассимилировавших местное население»[33].

Что касается названия антов, то Тохтасьев, так же, как и Анфертьев, не сомневается в его неславянском происхождении, однако констатирует, что «и предлагавшиеся этимологии из других языков (германская, иранская, тюркская и др.) также не выглядят сколько-нибудь надежно». С другой стороны, гипотезу «об этимологическом тождестве с Veneti» он считает «вовсе произвольной»[34].

Рассмотрев, таким образом, наиболее существенные из гипотез о происхождении этнонима «анты» и мнений о них различных исследователей, мы по необходимости приходим к выводу, что вопрос до сих пор остается неразрешенным, а аргументация и противников сближения этнонимов венетов и антов, и его сторонников остается лишь в малой степени обоснованной.

Главной трудностью для противников взгляда на общее происхождение антов и славян от венетов представляют собственно данные источников, важнейшие из которых (Кассиодор–Иордан и Прокопий) недвусмысленно говорят о родстве антов и славян, причем первый из них говорит об их родстве и об общем происхождении от венетов, а второй – просто об их родстве и общем происхождении от неких споров (Σπόροι). Данные прочих наличных источников также ставят антов и славян в чрезвычайно близкие отношения, основанные на общих обычаях, нравах, социальном и политическом устройстве, способе ведения войны[35], что безусловно говорит о родстве двух народов[36].

---

[32] *Тохтасьев С.Р.* Древнейшие свидетельства славянского языка на Балканах // Основы балканского языкознания. Ч. 2: Славянские языки. СПб., 1998. С. 29–57.

[33] Там же. С. 32.

[34] Там же.

[35] Ср. сведения «Стратегикона» Маврикия: Das Strategikon des Maurikios. X. 4 / Einführung, Edition und Indices G.T. Dennis, Übersetzung E. Gamillscheg // CFHB. Vol. 17. Wien, 1981. S. 370–387; СДПИС. Т. 1. С. 364–393.

[36] В виду полного согласия между собой источников относительно родства славян и антов удивительно читать пассажи, подобные следующему: «Случайным образом точкой конденсации нового единства стал какой-то, один из многих... родовых коллективов, причем не обязательно славофонный. Нельзя исключить, что первыми славофонами были как раз не “славяне”, – например, анты... Зафиксированное для первой половины VI в. убеждение “славян” в их родстве с антами может оказаться частью этногенетического предания, сложившегося в процессе миграции» (*Иванов С.А.* Славянская этничность как методологическая проблема // Славяноведение. 1993. № 2. С. 25). Чрезвычайно трудно вообразить себе, что Кассиодор–Иордан, Прокопий, Менандр Протиктор или император Маврикий глубоко ознакомились

Таким образом, родство славян и антов подтверждается совокупным мнением наших источников и, по сути дела, не нуждается в дополнительных доказательствах. С другой стороны, нельзя не признать наличия проблемы, нуждающейся в прояснении. Какие основания или побудительные мотивы были у Кассиодора–Иордана говорить об общем происхождении славян и антов от венетов? Каково в этой связи происхождение этнонима «анты», точнее, имеет ли он отношение к «венетам»?

Нельзя сказать, что эти вопросы являются новыми и что на них не давалось ответов. Задача данной статьи в сущности и состоит в том, чтобы, сведя информацию воедино, еще раз напомнить о наличии вполне однозначных ответов на эти вопросы и подкрепить их дополнительными аргументами.

В наши задачи не входит рассмотрение вопроса об этнической принадлежности венетов Плиния Старшего, Тацита и Птолемея, хотя при анализе их сведений можно высказаться скорее в пользу гораздо большей независимости указанных авторов от их источников, чем это постулируют авторы раздела «К предыстории славянства» первого тома «Свода древнейших письменных известий о славянах». В этой связи их информация должна рассматриваться скорее как отражающая современную им этно-географическую картину, а не как плод антикизирующих реминисценций. Если же считать, вслед за авторами этого раздела, древних венетов не имеющими никакого отношения к славянам, то, по-видимому, надо четко указать на то, при каких обстоятельствах на славян повисленского и поморского регионов в Средние века перешло название венетов. Если же считать это название экзогенным, прилагаемым к славянам исключительно германцами, то как-то нужно разъяснить и случаи применения славянами этого этнонима к самим себе в качестве эндогенного. Речь, конечно же, прежде всего идет о вятичах – племени[37], сыгравшим в конечном итоге, наверное, ключевую роль в сложении великорусского народа.

По вопросу о возможной связи между этнонимами «вятичи» и «анты», как мы указывали выше (с. 29, примеч. 14), категорически высказался уже М. Фасмер. Он указал на невозможность примирить, с одной стороны, Venedi, Οὐενέδαι с «древнеисландским vindr, англо-саксонским weonodas,

---

со славянскими «этногенетическими преданиями», а затем включили их в свои сочинения. Совершенно точно, что эти по большей части связанные с военным делом люди были в основном чрезвычайно далеки от проблем научной фольклористики и потому передавали точную информацию, основанную исключительно на самом жестком из всех типов эмпирического опыта – военном. Именно для военных и дипломатов информация о родстве славян и антов, с одной стороны, и наличии определенных различий между этими двумя народами – с другой, представляла важный практический интерес.

[37] *Gołąb Z.* Veneti / Venedi... P. 326–327; *Иванов В.В., Топоров В.Н.* О древних славянских этнонимах... С. 22–23; *Витчак К.Т.* Из проблематики древних славянских племен... С. 29–30. Трудно согласиться в этой связи со следующим высказыванием, касающимся этнонима вятичей: «Таким образом, основа *vęt-, *vent-, *vend- служила для обозначения славян как чужих с точки зрения неславян ("немцев") и наиболее периферийной и отчужденной группировки внутри самих славян (как бы признаваемой "чужой" или по крайней мере отклоняющейся от обычных норм) (т.е. вятичей. – *М.Г.*)» (см.: *Иванов В.В., Топоров В.Н.* О древних славянских этнонимах... С. 23). Дело в том, что название «вятичи» прилагалось к этому племени не другими славянами или даже неславянами, а ими самими к себе самим. Вряд ли они могли при этом считать самих себя «чужими» или «отклоняющимися от обычных норм». Если учесть, что вятичей называли этим именем также и восточные авторы, то станет совершенно ясно, что этот этноним является именно эндогенным.

ново-верхне-немецким Wenden, windische, финским venäjä» в силу наличия в первых гласного перед d (δ) и его отсутствия во вторых[38]. Тем не менее данная проблема является мнимой. На принципиальную возможность такого фонетического развития, с утратой или ослаблением гласного перед согласным переднего ряда, указывает Д.В. Бубрих[39]: «С фонетической стороны венеда-, позднее ванида-, или венъда- представляет только одну трудность, заключающуюся в наличии гласного между *н* и *д* (из *т*). Однако трудность эта преодолевается, если учесть некоторые особенности древнеиндоевропейского чередования гласных и его отражений в различных индоевропейских языках. В древнеиндоевропейской речи существовало чередование кратких гласных полного образования с особым редуцированным гласным и с нулем. Это чередование могло быть и во втором слоге при наличии гласного полного образования в первом. На германской почве такие случаи сохраняются относительно хорошо. На славянской положение вещей упрощено в пользу нуля вместо гласного второго слога. Так обстоит дело в др.-герм, анед-, позднее анид-, или анъд- (с ъ из редуцированного гласного) при др.- слав. оⁿты "утка" и во многих других случаях. Др.-герм, венеда-, позднее винада-, или венъда- при др.-слав. веⁿт- совершенно подходят под случаи этого рода». Таким образом, рассуждение Д.В. Бубриха следует понимать как переход на славянской почве *u̯en(e)tъ в *u̯ętъ[40] и о заимствовании этого этнонима германцами в виде Wende, windisch и т.п.

Другим возражением касательно возможности родства слов «анты» и «венеты» была разница в анлауте обоих слов. Выше (с. 29, примеч. 12) мы уже упоминали возражения А.А. Шахматова, совершенно справедливо отметившего, что точным соответствием греческого Ἄντης было бы восточнославянское *ѫтъ – слово, ни в каких текстах не отмеченное. На это Шахматову обоснованно возразил тот же Д.В. Бубрих, который не видел сложности в сближении слов «анты» и «вятичи». Основой его аргументации явился подбор примеров, иллюстрирующих принципиальную возможность чередования в славянских языках постулируемой для «антов» основы ant- (Ἄντης, впоследствии развившейся в *ǫt-) и *u̯ęt- (вятич, венд)[41]. По мнению Бубриха, восточнославянское *ǫt- (из ant-) в начале слова является результатом отпадения во многих случаях начального звука u̯. В подтверждение своего мнения им приводятся следующие примеры: ѫдити («коптить») – вѧдлити («вялить»); ѫзы (ѫзъкъ), ѫже («веревка») – вѧзати, вѧзнути; ѫхати (-ухать, т.е. пахнуть) – воня (вонь)[42]. Кроме того, имеются параллельные примеры отпадения начального проте-

---

[38] Впрочем, weonodas и venäjä все-таки имеют такую гласную!

[39] *Бубрих Д.В.* О названии «анты»... С. 480.

[40] Ср., например, по сходной модели: *anatis → *anũti → ѫть (ѫты) → ут(к)а. Впрочем, с другой стороны, можно предположить это развитие как чисто германское: создание закрытого слога во избежание двух открытых слогов подряд. См. также: *Gołąb Z.* Veneti/Venedi... S. 325–326.

[41] *Бубрих Д.В.* О названии «анты»... С. 478.

[42] Добавим далее: утлый – вя(т)лый (ѫтьлъ – вѧ(д)лъ; ср. *польск.* wątły), ѫтъкъ («уток») – *др.-рус.* утъкъ – *польск.* wątek. О наличии регулярных чередований этих звуков в других позициях см., например: *Хабургаев Г.А.* Старославянский язык. М., 1986. С. 95 (звѧкати – звѫкъ, погрѧзнѫти – грѫзъ, трѧсти – трѫсъ, съпрѧгати – сѫпрѫгъ).

тического ѫ в словах, имеющих неславянские параллели, содержащие этот звук: *слав.* ѫсъ (ус) – *др.-прусс.* wansa (щетина). Таким образом, проблема происхождения и соотношения этнонимов «вятичи» и «анты» переводится на почву славянского языкознания: в данном случае мы имеем дело с достаточно регулярным междиалектным[43] соответствием an- (в позднейших письменных памятниках – ѧ) и ѫen- (в позднейших письменных памятниках – вѧ-)[44].

Впрочем, это, по нашему мнению, совершенно точное наблюдение Д.В. Бубриха подлежит дальнейшему уточнению. По всей видимости, в данном случае мы имеем дело с феноменом, свойственным ранней славянской диалектологии в ее географическом и временном измерении. Звук ѧ- (праслав. *an-) в начале слова характерен для южнославянских языков, в которых этот звук развился в *у* (в совр. болгарском – ъ: ъгъл). Для западнославянских языков характерно в начале слова вѧ-. Возьмем, для примера, слово ѧгълъ (угол). В западнославянских и диалектах восточнославянских языков («севернославянская» черта) оно будет выглядеть следующим образом: польское *węgieł*, верхнелужицкое *nuhł*, нижнелужицкое *nugeł*[45], украинское *вугол*, белорусское *вугол*[46], словенское *vǫ̑gəl*[47]. В восточно- и южнославянских: древнерусское *уг(ъ)лъ*, старославянское ѧгълъ, болгарское ъгъл, сербохорватское диалектное *ȗгал*[48]. Нетрудно заметить, что билабиальная протеза *ѫ- в анлауте характерна прежде всего для западнославянских диалектов. Этому факту точно соответствует сообщение русской летописи о том, что вятичи вышли «от ляхов». Исходя из этого, на момент VI в. можно условно разделить все народы, которые принято называть славянами, на вендские и антские, из которых первые располагаются западнее и называются, согласно Иордану, венетами и славянами, а вторые – восточнее и носят древнее название венетов, видоизмененное в соответствии с особенностями их диалекта (анты).

К тому же корню можно, по нашему мнению, возвести и слово «вящий» (вѧщии), имеющее также звучание «вяштии» (вѧтшии [из *ѫętьjьjь], т.е. больший), и обозначающее в том числе «старший по положению, по возрасту», «наиболее знатный, родовитый, богатый»[49]. Предположительно это слово могло изначально иметь социальное значение и обозначать «принадлежащий

---

[43] О феномене протетического *ѫ см.: *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 2001. С. 67–68 (в частности, с. 67: «Перед *о* и перед *е* протетическая согласная, как общее правило, не закрепилась, хотя тенденция к этому и существовала, достигнув завершения лишь по диалектам»).

[44] Ср. также более поздний этноним: ѧгръ – венгр (ср. *польск. wągier*; см.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. С. 290; ср. также: Там же. Т. 4. М., 1987. С. 147).

[45] *п* из *ν*.

[46] Разговорные украинский и белорусский в данном случае обнаруживают либо свое западнославянское происхождение, либо влияние на них этих последних.

[47] Также вероятно западнославянское влияние.

[48] См.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 4. С. 145.

[49] Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 3. М., 1976. С. 288; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 2. М., 1989. С. 313. См. также: Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae palaeoslovenicae. 8. Praha, 1994. S. 385–386. Ср.: *Lehr-Spławiński T.* O pochodzeniu i praojczyźnie słowian. Poznań, 1946. S. 17.

к племени вендов / вен(е)тов», т.е. к одному из старейших, старших племен, к «праславянскому» народу.

По всей вероятности, наличие таких диалектных различий между вендскими племенами на западе и антскими на востоке можно постулировать для весьма раннего времени: не позже VI в.[50]

Таким образом, основываясь на вышеуказанных рассуждениях, язык антов, вероятно, первыми начавших миграцию в восточном направлении, был одним из диалектов (или конгломератом близкородственных диалектов) той языковой и этнической общности, какую представляли собой анты и славяне. При этом, судя по всему, этноним «анты» предшествовал по времени появлению этнонима «славяне», возникшего, скорее всего, во время начала массового движения родственных племен к югу от Дуная в VI в. Это доказывается также фактом племенной вражды между славянами и антами, основная миграция которых шла в северо-восточном направлении, к Днепру и Дону, и определилась уже гораздо раньше, в IV в.

Тот факт, что слово «анты» является фонетическим нововведением, свойственным определенной группе племен праславян-венетов, ушедших далеко на восток, доказывается тем фактом, что окружающий германский мир продолжал называть антов их исконным именем «венеты». Косвенным свидетельством тому является остроумное предположение Ф.А. Брауна, согласно которому имя готского короля Винитария (Vinitharius), нанесшего поражение антам и упомянутого в сочинении Иордана, имеет значение «победитель венетов»[51]. О.Н. Трубачев счел возможным уточнить эту интерпретацию и истолковать имя Винитарий как «убийца, потрошитель венетов»[52].

Другим, на этот раз прямым доводом в пользу тождественности венętов и антов служит размещение венетов на Певтингеровой карте. Эта карта, датировка данных которой колеблется от I в. до Р.Х. до V в. по Р.Х.[53], помещает венедов в междуречье Дуная и Днестра, т.е. на территории расселения антов VI–VII вв.[54]

Как мы полагаем, нам удалось привести ряд соображений, могущих свидетельствовать в пользу тождественности этнонимов «анты» и «венеты» и появления фонетического облика слова «анты» в результате процессов, свойственных развитию славянских языков. С этой точки зрения информацию Кассиодора–Иордана о родстве венетов, антов и славян и об их общем

---

[50] См., например: *Филин Ф.П.* Образование языка... С. 165: «Начиная приблизительно с VI–VII вв. н.э., все основные процессы изменения в славянской речи давали в разных славянских областях разные результаты».

[51] *Браун Ф.А.* Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899. С. 252. Примеч. 1. С. 333. С таким толкованием не согласен А.Н. Анфертьев (см.: СДПИС. Т. 1. С. 146). Впрочем, его аргументы и здесь не убедительны.

[52] *Трубачев О.Н.* Germanica и Pseudo-Germanica в Северном Причерноморье // Этимология. 1986–1987. М., 1989. С. 51; *Он же.* Этногенез и культура древнейших славян... С. 98.

[53] СДПИС. Т. 1. С. 65.

[54] Там же. С. 68. См. также: *Королюк В.Д., Наумов Е.П.* Перемещение славян в Центральной и Юго-Восточной Европе и формирование народностей (Итоги и перспективы) // Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси. Киев, 1980. С. 6–7.

происхождении можно считать вполне точной и заслуживающей полного доверия. Племя антов гораздо раньше близкородственных славянских племен распространяется от Дуная до берегов Днепра, где впоследствии формируется Киевская Русь[55]. Они первыми из славян распространяются по берегам Северного Причерноморья[56]. При отсутствии катастрофических этнических изменений в данном регионе вплоть до X–XI вв. вполне можно предполагать сохранение антского населения в этом регионе вплоть до IX в.[57] По всей видимости, именно здесь, в ареале расселения антов, следует искать истоки причерноморской Руси.

---

[55] Факт молчания об антах начальной русской летописи во многом объясняется ее племенным славянским (в отличие от антского) происхождением. В поле зрения ее автора находились по большей части славянские племена западного происхождения и ему уже ничего неизвестно о вендско-антской проблематике. Единственное племя, носящее это имя, – вятичи – находится на периферии племен, известных автору, стоит от них особняком; к ним он прилагает явно легендарное происхождение от некоего Вятко (см.: Повесть временных лет // ПСРЛ. Т. 1. С. 5, 9). Кроме того, летопись создается уже в то время, когда ситуация в обширном регионе от Нижнего Дуная до Нижнего Дона претерпевает целый ряд изменений, связанных с новой миграцией тюрок: прежде всего печенегов и половцев.

[56] Ср. также слова Прокопия Кесарийского, рассказывающего о берегах Азовского моря (Меотийского озера): «Это озеро имеет своим устьем побережье Понта Евксинского. А люди, живущие там, в древности назывались киммерийцами, ныне же зовутся утигурами. Над ними, к северу, обосновались бесчисленные племена антов» (αὕτη δὲ ἡ Λίμνη ἐς τὴν ἀκτὴν Πόντου τοῦ Εὐξείνου τὰς ἐκβολὰς ποιεῖται. ἄνθρωποι δέ, οἳ ταύτῃ ᾤκηνται, Κιμμέριοι μὲν τὸ παλαιὸν ὠνομάζοντο, τανῦν δὲ Οὐτίγουροι καλοῦνται. καὶ αὐτῶν καθύπερθεν ἐς βορρᾶν ἄνεμον ἔθνη τὰ Ἀντῶν ἄμετρα ἵδρυνται: *Procopius Caesariensis*. De bello Gothico. IV. 4. 7 // De bellis / Ed. J. Haury. Vol. 2. Lipsiae, 1963. P. 501.21–25). См.: *Скржинская Е.Ч.* О склавенах и антах... С. 19–21; *Kardaras G.* The Byzantine-Antic Treaty... P. 77.

[57] По мнению М.В. Бибикова, история антов не имеет никакой связи с историей Руси: *Bibikov M.* Byzantino-Rossica and the Case of the Antes // Byzantina Mediterranea. Festschrift für Johannes Koder zum 65. Geburtstag / Hrsg. K. Belke, E. Kislinger, A. Külzer, M.A. Stassinopoulou. Wien; Köln; Weimar, 2007. P. 57–63. Не учитывая сведений Иордана и Прокопия, М.В. Бибиков утверждает, что «зона активности антов и славян, как она отражается в зеркале византийских текстов, распространяется главным образом в дунайско-карпатском регионе».